

29.01.2015, 23:19 Москва

ИНТЕРВЬЮ

Попасть в «друзья хунты»: метод Ильдара Дадина

Ильдар Дадин, один из самых упорных московских оппозиционеров, стал первым активистом, осужденным по статье 212.1 УК за «неоднократные нарушения» во время публичных мероприятий.

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Ильдар Дадин – один из самых упорных московских оппозиционеров. ОВД-Инфо приходится постоянно писать о том, где и как его задержали. Вот мы и решили расспросить Дадина, зачем он всё это делает. Интервью взято 31 октября 2014 года, но, по ряду причин, публикуется только сейчас. Сегодня у Ильдара Дадина не самый приятный день: у него заканчиваются 15 суток ареста за народный сход на Манежной площади 15 января, но сегодня же его будут судить за акцию на

Мясницкой улице 5 декабря. Несколько активистов тогда перекрыли улицу.

По статье ч. 6.1 ст. 20.2 КоАП — «Участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании, повлекших создание помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, связи, движению пешеходов и (или) транспортных средств либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры» – он вновь может получить 15 суток.

NEW: Судебное заседание состоялось, и административное дело Дадина было переквалифицировано в уголовное. Он стал третьим человеком, против которого возбуждено дело по ст. 212.1 УК — «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования».

Расскажи с самого начала: как пришел в протест, что было до этого, где ты работал? Что послужило первым импульсом?

— Работал я сразу же после армии в охране, с 2003 года и вплоть до 2010-го. Первый протестный митинг, в котором я принял участие, проходил на Болотной площади 10 декабря 2011 года. 4 декабря я увидел результаты выборов, и меня очень возмутило то, что показывали по телевизору: якобы «Единая Россия» безоговорочно победила, а я опрашивал очень большое количество людей — родственников дома, коллег на работе — и никто практически не голосовал за «Единую Россию». Я понимал, что скорее всего нас обманывают. Я тогда не знал, что какие-то протестные митинги проходят — у меня интернет не был подключен, а по телевизору ничего об этом толком не говорили. У меня просто было такое желание — не важно, кто-то вышел или не вышел, мне

самому хотелось выйти и чуть ли не с вилами подойти к кремлевской стене и сказать: «С чего вы взяли, что вы за меня можете что-то решать?» 9 декабря друг сообщил мне, что должен состояться митинг. Я очень обрадовался, что, оказывается, еще кто-то не согласен с тем, что можно так обманывать людей. И пришел с друзьями.

В 2011 году ты не пользовался интернетом?

— Пользовался, просто, в основном, «ВКонтакте», и никакой протестной тематикой не интересовался, не знал, что существуют такие сайты.

Ты сказал, что работал охранником. В нынешней оппозиции очень редко встретишь людей из таких сфер. С другой стороны, с охранниками оппозиционеры сталкиваются на локальных мероприятиях, связанных с защитой лесов, гаражей, исторических зданий. И впечатление от этой категории людей, скажем так, довольно печальное. Мог бы ты рассказать подробнее, как вообще умудрился оттуда попасть в оппозицию?

— Я раньше никогда об этом не задумывался, а сейчас понимаю, что постоянно чувствовал, что мы с моими коллегами, в основном, по-разному смотрим на жизнь. Мне не очень нравились их взгляды. Наверно, я действительно чем-то от них отличался.

Есть такое расхожее суждение, что в охранники попадают те, кто не смог пойти в полицию.

— Не знаю. Я хотел получить высшее образование и в охрану пошел, чтобы иметь какой-то заработок, чтобы у меня была минимальная занятость на работе и максимальные возможности для того, чтобы готовиться.

То есть полицию ты не рассматривал?

— Нет. О работе в полиции я начал думать уже как раз-таки, когда стал участвовать в протестном движении,

потому что я увидел, что мне хотелось бы защищать людей и их права. И вообще, если у нас получится добиться сменяемости власти и построить гражданское общество, если у нас будут работать демократические принципы, я сам, наверное, пойду в полицию работать или в ОМОН, потому что, мне кажется, это должно быть почетным — защищать граждан, это должно быть честью для человека. Но, к сожалению, люди в полицию в данный момент идут явно не из-за этого, а только из-за заработка.

YouTube Video: VJ-FRRNddXs

Получается, что первое мероприятие, в котором ты участвовал, было согласованным. А когда ты познакомился собственно с активистами — там или позже? И как стал участвовать уже в несогласованных и немассовых акциях?

— На первых согласованных акциях я вообще не знал, что еще бывают, оказывается, несогласованные. После первого митинга на Болотной я увидел, что есть приглашение продолжить на проспекте Сахарова. Я зарегистрировался в Facebook, на странице «Мы были на Болотной площади. Мы придем еще!», и увидел, что различные люди там пишут, что согласованные митинги — это неправильно, что нужно действовать по-другому. Но я исходил из того, что чем больше людей, тем лучше. Я

старался ходить туда, куда больше людей приходит, а приходило больше людей, естественно, на согласованные мероприятия. Людей, которые предлагали иной путь и вдесятером шли куда-то на другое мероприятие, я считал фриками, какими-то не совсем умными.

Почему я со временем тоже заинтересовался и стал вместе с ними участвовать в акциях? Потому что начал видеть, что согласованные митинги ни к чему не ведут. Никакие резолюции, принятые на согласованных митингах, не выполняются, и просто прийти, постоять и разойтись под контролем барина свободному человеку не очень интересно. Особенно, когда мероприятие множество раз пытаются согласовать и людей унижают тем, что в самый последний день только согласовывают и не дают времени подготовиться, позвать людей — никто не знает, какое место согласуют. Это, я помню, раньше очень раздражало, потому что хочется пригласить людей побольше, и ты не знаешь, куда, потому что власть до последнего тянет с местом согласования, то есть с местом проведения митинга.

Изначально я видел, что власть обманывает, что она относится к людям, как к пустому месту. Я сходил на три или четыре согласованных митинга, и ни к чему они не привели. Хотелось выразить свой протест — почему нет никаких изменений, почему к людям не прислушиваются? И тогда мне стали интересны вот такие люди, которые по-другому выражают свой протест: если они имеют право по статье 31 Конституции выйти в любом месте и заявить, они это делают, не спрашивая ни у кого соизволения.

Когда все-таки пришло это понимание, что большие акции ничего не дают? Какая была первая несогласованная акция с твоим участием?

— Сейчас точно не вспомню — возможно, «Идите на х** со своей регистрацией!» на Красной площади. Я туда пошел, потому что знал, что там есть мои хорошие знакомые. Я не

знал, что там в лозунгах будет использоваться матерное слово, я бы, возможно, даже и не присоединился, если бы знал об этом изначально, потому что я все-таки стараюсь избегать мата.

Познакомился я с человеком, который пригласил меня на эту акцию несогласованную, после какого-то задержания. Наверное, это было после президентских выборов, 5 марта — знаменитый «фонтан Удальцова». Очень поначалу было страшно, когда привели в автозак. Я понимал, что абсолютно не виновен, что меня просто схватили и потащили туда, но все равно было такое, может быть, ощущение, оставшееся от совка, что раз тебя взяли, значит, ты виновен. Я думал, что заведут к уголовникам, преступникам каким-то. А потом в тот же автобус начали приводить веселых людей, очень адекватных, общительных, по которым видно, что это абсолютно нормальные люди. И меня сразу отпустил этот страх.

Люди, которых ты сначала считал фриками, в итоге оказались тебе близки?

— Да, система ценностей у меня поменялась. Наоборот, я стал считать бесполезными выходы на согласованные акции и больше зауважал тех людей, которые не спрашивают лишних позволений, не выпрашивают ничего, а просто по закону выражают свое мнение мирно и без оружия.

Почему именно памятник Жукову — место, где чаще всего проходят несогласованные акции?

— Просто это, наверное, пережитки, отголоски еще предыдущей формы борьбы. Я думаю, что, возможно, в ближайшем будущем будет не принципиально, где именно собираться.

«ГЕЙ-АКТИВИСТ, РАСКРАСИВШИЙ ЗВЕЗДУ»

Ты участвовал в самых разных акциях — поддержка ЛГБТ, акции против сноса исторических зданий. Когда ты стал ходить на несогласованные акции, тебя интересовала какая-то одна тематика, или главным было просто поддержать протест?

— Тема, которая была для меня важна с самого начала, так и осталась основной: власть, которая сфальсифицировала выборы, — нелегитимна. Меня не устраивает то, что кто-то, за кого я не голосовал, за кого многие люди не голосовали, сейчас занимает чиновничьи кресла, я считаю, что эти люди должны сидеть в тюрьме за то, что они нарушили наше право избирать власть. Я много раз был наблюдателем на выборах в 2012 и 2013 году — просто, чтобы лишний раз убедиться в том, что власть нелегитимна, и чтобы попробовать выйти на новых людей и попытаться их привлечь. Как я замечал, в любом вопросе — ЛГБТ, наблюдательская деятельность, защита леса, борьба с незаконным уничтожением исторических зданий — все упирается в одни и те же проблемы. Ты с разных сторон подходишь к проблеме, которую ты пытаешься изначально решить – нелегитимная власть, нелегитимный режим, везде ты видишь следствие одного и того же авторитарного режима, все упирается в одну глухую стену, и когда ты пытаешься бороться другими способами, все равно в итоге ты приходишь к этому же. Все в итоге упирается в то, что закон не работает. И если люди пытаются решить какую-то конкретную проблему, то она лишь отсрочивается, но не решается, потому что бандитская власть решить проблему не дает. Здание все равно в итоге снесут, лес в итоге все равно вырубят, все жалобы по выборам все равно в итоге спустят на тормозах. А на активистов заводят встречные дела, чтобы они особо не рыпались. Все это следствие одной большой

проблемы — нелегитимный режим. И я считаю, пока он не будет демонтирован, эти проблемы не решатся.

"Идите на хуй со своей регистрацией!"

Ты говоришь «лес все равно вырубят». В чем тогда смысл протеста?

— Я так предполагал, что уже понимаю основную суть проблемы, и надеялся, участвуя в этих вещах, что я помогу другим людям быстрее прийти до понимания того, что пока они не начнут заниматься основной проблемой — демонтажем системы, — та проблема, которой они в частности занимаются, не решится. Но я пытаюсь сейчас больше контактировать, объединяться с людьми, которые понимают, что без демонтажа системы нелегитимного авторитарного режима ничего не решить.

Как тебе кажется, из тех групп, которые ты перечислил, люди вливаются в общий протест?

— Я знаю, что есть такие люди, которые участвуют и в мероприятиях узкой тематики, касающейся конкретно их проблемы, и в том, о чем я говорил. Их немного, в принципе таких людей, которые занимаются тем, чем я занимаюсь, немного, но такие люди есть.

Почему тебе приписывали раскрашивание звезды на высоте?

— Это интересная тема. Помню, что в тот день я проснулся утром, зашел на какой-то украинский сайт, где в новостях сообщили, что все российские информагентства — это было где-то в девять утра — забила новость о перекрашивании звезды. Я в тот момент о ней вообще не

знал. Потом я в фейсбуке увидел новость, что появились первые сообщения, что кто-то там покрасил звезду, я ее запостил, потому что был согласен с этой акцией. И потом уже то ли мне позвонили, то ли в фейсбуке прислали сообщение, что, оказывается, покрасил ее я! Я узнал, что ночью, оказывается, не сплю, а, как лунатик, брожу по высоткам и крашу звезды. В принципе, было бы здорово, если бы я тоже смог бы такими вещами заниматься, почел бы за честь. Но я всегда знал, что боюсь высоты, недавно это проверил. Так что, к сожалению, пока что это был не я.

Откуда взялся ярлык «гей-активист»?

— Это началось, когда проходили акции ЛГБТ у Думы, два или три раза у них день поцелуев там был, когда принимали закон против пропаганды (закон о запрете на распространение среди несовершеннолетних информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения — ОВД-Инфо). Это было летом, и тогда я впервые побывал у них на акции. Я увидел на видео, как здоровые лбы налетают на каких-то девчонок, мальчишек. Я с детства считал это неправильным, более сильный, на мой взгляд, должен защищать более слабого. И вот когда я впервые пришел, мне хотелось, если что, встать перед этими разъяренными пустоголовыми фанатами, которые налетают на тех, кто не может дать сдачи. Тогда я впервые был на их акции задержан и тогда эти, как я их называю, шибанутые православнудые, потому что верующими я их никак назвать не могу, начали пытаться вешать этот ярлык. Потом меня так называли после акции 6 октября на Арбате, когда я вышел с Рэйдой Линн, когда пытались издать закон, что можно отбирать детей у ЛГБТ-пар. Аж на телевидение попало — это уже когда абсолютно лживо мне приписали раскраску звезды. Я просто смеюсь — они думают, видимо, что меня это заденет. Наоборот, сейчас я с друзьями здороваюсь «привет, я гей-активист», потому что меня это вообще несколько не смущает. Я в результате протестной

деятельности познакомился с замечательным человеком — с Алексеем Давыдовым (ЛГБТ-активист, умер в сентябре 2013 года — ОВД-Инфо). И я могу любому человеку сказать всегда в глаза, что считаю за честь знакомство с Алексеем Давыдовым. Я в спецприемнике людям в глаза говорил, что я никогда не скажу, что этот человек какое-то «г» или второстепенный. Даже перед угрозой смерти, потому что иначе я сам буду полным ничтожеством. Правда, потом я понял, что в спецприемнике не очень желательно на такие темы говорить.

ОТНОШЕНИЯ С ПРАВООХРАНИТЕЛЯМИ

Ты постоянно апеллируешь к закону, говоришь, что Конституция легитимна, а Путин нелегитимен. А по какому принципу ты распределяешь, что легитимно, а что нет, из каких-нибудь законодательных норм, из органов власти, правоохранительных органов?

— Чиновникам делегирована наша власть, мы им полномочия предоставили на некоторое время поруководить, чтобы они эффективно помогли нам жить лучше, с этой целью мы только их нанимаем. Но пока чиновники не избраны на честных, законных выборах, прозрачных, с соблюдением избирательного законодательства, до тех пор эта власть нелегитимна. Статья Конституции имеет большую юридическую силу, чем любой закон, более низкий по уровню. В соответствии с этим законы, противоречащие 31-й статье Конституции, нелегитимны. Поправки, которые еще больше стали ограничивать наши права и противоречить 31-й статье, уже приняты нелегитимной Думой — я думаю, это первичный показатель: любые законы, издаваемые этой Думой, нелегитимны.

Когда ты стал интересоваться собственно законами, читать их, объяснять свои права полиции? Когда ты нам рассказываешь про какие-то акции, ты всегда очень упираешь на их соблюдение вплоть до всех нюансов.

— Еще во время участия в согласованных митингах я, естественно, боялся задержаний, полицию. Я видел памятки правозащитных организаций на этих мероприятиях о том, что делать, если тебя задержали, какие у тебя есть права, что ты имеешь право требовать. Помню, когда меня задержали первый раз, я обнаружил, что действительно очень многое полиция нарушает и наши права не соблюдаются. В ОВД «Сокольники» со мной был один замечательный человек, Серж Константинов (активист движения «Свободные радикалы» — ОВД-Инфо). Я заметил, что в отличие от всех остальных 15—20 задержанных он вел себя очень уверенно, спокойно, и я чувствовал, что он не боится. Я отметил его спокойствие и знание закона. Что меня очень сильно поразило — это то, что он не только о себе думал, а когда чьи-то права нарушались, он сразу вступался. Полицейские пытались его запугать, но он никогда не боялся и все равно упирал на то, что они нарушают закон. Мне это поведение показалось правильным. И я понял, что свои права интересно изучать, чтобы не позволять полицейским их нарушать.

[YouTube Video: 7D-AuYn5q-Q](#)

Как реагируют полицейские, когда ты им что-то объясняешь?

— В основном, они всем видом пытаются показать, что им все равно. В машине, если они знают, что нет свидетелей, они вообще ведут себя грубо, «тыкать» начинают, сразу приходится ставить их на свое место, чтобы относились уважительно в соответствии с Законом о полиции. К тем, кто считает, что закон должен работать, они относятся, как к сумасшедшим. Ты должен просто действовать так, как им удобно, как они привыкли. Когда свидетелей нет, они в открытую смеются и хамят. При свидетелях они просто создают видимость, что они не против, но все равно не стремятся соблюсти то, что положено.

Когда тебя задерживают, этим занимаются обычно ППСники или оперативники Центра «Э»?

— Задерживают — впрочем, «задерживают» — неподходящее слово: это не задержание, это незаконные захваты людей. Обычно этим занимается второй оперативный полк, первый оперативный полк или омоновцы. Нас обычно, если судить по Манежке, задерживают те, кто там находится — омоновцы или, возможно, ППСники, а потом из ОВД «Китай-город» приезжает машина, видимо, уже по вызову омоновцев, и нас передают сотрудникам отдела.

Центр «Э» не интересуется твоей деятельностью?

— Центр «Э» постоянно интересуется, он практически на любой акции первый оказывается, быстрее, чем какая-либо полиция. Начинают снимать с камерой, и потом только подходит полиция.

Непосредственно с тобой они разговаривали?

— Нет, практически ни разу. Помню, после первых моих задержаний иногда пытались снимать и сейчас, может, пытаются, но я всегда сразу говорю о том, чтобы меня не снимали, что я не уголовник какой-то, снимать меня они имеют право только при моем согласии, а я своего согласия не давал.

Я все пытаюсь попасть в «друзья хунты» или еще куда-то, в список достойных людей, но пока что я, видимо, не заслужил общения с эшниками. Максимум — у меня дома, в городе Железнодорожном, только к участковому приглашали несколько раз по поводу задержаний, например, когда за Навального выходили 18 июля (2013 года — ОВД-Инфо). Еще по поводу приезда из Украины меня приглашали объяснительную написать.

Кто приглашал? Участковый? О чем спрашивали?

— Приглашал якобы участковый, но в итоге оказалось, что это отдел уголовного розыска. Разговаривал со мной глава этого отдела, он пытался какую-то объяснительную у меня взять по тому образцу, который ему нужен был. Меня это не устраивало, потому что там получалось что-то выборочное, и картина другая. Я ничего не скрывал, все вопросы, которые его интересовали, готов был изложить, но хотел при этом рассказать все так, как оно было на самом деле — в основном, про незаконные нарушения моих прав, про то, как незаконно задерживают людей, как нарушают Закон о полиции. Когда я ему пытался по-своему излагать, ему это не очень нравилось, ему хотелось

именно по своему шаблону, то, что его интересует. В итоге мы после почти часа бесед на околополитические темы выяснили, что проще нам ничего не писать, и на этом мы с ним попрощались. Он пожелал мне удачи, пожал руку.

Они пытались что-то разузнать или предупредить о том, что будет?

— Я предполагал, что скорее всего в первую очередь задача — создать ощущение страха — мол, мы тебя взяли на карандаш, чтобы ты не занимался какой-либо деятельностью правозащитной или какой-либо другой. Меня по телефону обычно вызывали, я поначалу вообще говорил, что без повестки мне неинтересно с ними общаться, но человек, который мне звонил, стал говорить: «Нас заставляют, вот сверху пришло распоряжение, просто нам нужно заполнить бумажки». Не знаю, была это разводка или нет, но все-таки, когда ко мне по-человечески обращаются, я стараюсь действовать по принципу «как люди ко мне, так и я к людям», поэтому тогда я все-таки пришел.

Домой не приходят, с соседями не общаются?

— Когда я приезжал из Украины и меня встречали на Киевском вокзале, родители сказали, что приходили ко мне домой и просили меня зайти. Это единственный случай, когда приходили домой.

Выстраиваются ли какие-то отношения с сотрудниками ОВД? Тебя же все время одни и те же люди оформляют?

— Да. Когда пытаешься с ними разговаривать, объяснять, что они участвуют в фабрикациях, обвиняют абсолютно невиновного человека в правонарушении, они на это ничего не отвечают и просто говорят: «На вас поступило заявление», — хотя заявления никакого нет обычно, это прямая ложь. Еще они могут сказать, что ты совершил оскорбление, хотя ты просто стоял, например, с плакатом

«Позор Путину» — это не является ни ругательством, ни оскорблением. Или на тебя оформляют протокол о незаконном участии в несогласованном массовом мероприятии в количестве примерно двух человек. При том, что в 95 процентах случаев, наверное, есть доказательство на видео, что человек точно стоял в пикете один, что никого не было вокруг.

А кто второй, при этом неизвестно?

Примерно два человека, то есть до двух они научились считать, но это все-таки примерно. Кто второй, неизвестно — «судья» в кавычках решит, кто был второй. Пытаешься им объяснять — вот, мол, я вам могу показать на телефоне, что я там был один, смотрите, в прошлый раз ваши же задерживали, писали такие же рапорта, у вас одно и то же все время, вы одну и ту же ложь пишете, вы же сами понимаете, что это ложь и что вы участвуете в общей незаконной фальсификации, почему вы не пытаетесь даже разобраться? У тех, кто пишет бумажки, отмазка обычно такая: «Вас к нам доставили омоновцы, они написали такие-то протоколы, мы не можем ничего уже сделать, формально мы обязаны на вас составить материал, дальше продолжить по этим уже протоколам — не наша вина, правильно или неправильно, у нас есть протокол мы обязаны уже какое-либо дело завести, не мы с этим должны разбираться, мы обязаны это передать в суд».

А что они о тебе думают?

Что они обо мне думают, не знаю. Они говорят — не знаю, честно или для того, чтобы побыстрее бумажки составить: «Мы понимаем, что это омоновцы, как обычно, свой бред на тебя написали, давай все побыстрее напишем, в общем, просто нам неохота тебя держать». Последнее время стараются быстрее отпустить. При этом они могут привести своих понятых, типа незаинтересованных лиц — людей в форме охранников, видно, что из ближайшего торгового центра их вытащили, и некоторые, совсем уж

непорядочные, могут при этом охраннике, не предлагая мне ознакомиться с материалами дела, сказать: «Он отказывается знакомиться с материалами — подпишите, что он отказывается». Те подходят и пытаются что-то подписать, даже не глядя, что на меня там написано. Я этим охранникам пытаюсь сказать: «Вы участвуете сейчас в фабрикации, я требую, чтобы меня ознакомили с этими материалами, я вас буду вызывать в суд как свидетелей». И все равно эти ручные, якобы незаинтересованные понятия все подписывают, несмотря на все мои заверения.

После того, как приняли поправки, ужесточающие наказание за нарушения на митингах, была ли у тебя идея, что надо менять тактику, обсуждал ли ты это с кем-то?

— Мои знакомые это обсуждали, ситуация на самом деле довольно серьезная, и даже меня она напрягает. Но лично про себя могу сказать: я увидел где-то хорошие слова, что человек рождается свободным, и государство имеет право лишь описать мои свободы и защищать их, оно не имеет право их ограничивать, любые ограничения изначально свободного человека незаконны. С одной стороны, я это понимаю, с другой стороны, я знаю, что все равно, если это бандитское государство захочет, оно, несмотря на то, что я ничего не нарушал и я свободный человек, может меня посадить. С одной стороны, чувствуешь себя свободным и поэтому пытаешься постоянно быть на грани — все-таки не допускать того, чтобы из тебя при жизни сделали раба и действовать как свободный человек, но все равно, естественно, приходится действовать с оглядкой на этот закон.

Что значит «с оглядкой»?

— Может быть, не так свободно действовать, как раньше. Я знаю только то, что несмотря на это, я все равно, возможно, не так открыто, как раньше, но продолжаю действовать, и у меня уже этих задержаний после

принятия этого закона было, наверное, пять или шесть, не меньше. Я думаю, даже больше, я их особенно не считаю. Да, я действую чуть осторожнее, но не перестаю действовать.

Чуть осторожней – это как, если пять или шесть было?

— Я уже не рвусь каждый раз перекрывать Тверскую или выбегать на Красную площадь, лишний раз стараюсь не попадать на статью 19.3. То есть я протестую, но понимаю, что бандиты считаются только с силой, а сила ненасильственного протеста в количестве, а пока нас мало, просто глупо давать в зародыше эти силы уничтожить. Если нас будет много, я буду действовать, возможно, чуть по-другому, тоже в рамках закона, но более открыто. А пока нас мало приходится ограничиваться, к сожалению.

...И С ДРУГИМИ ОХРАНИТЕЛЯМИ

Ты говорил, что полицейским хочется поменьше с тобой контактировать и побыстрее все оформить. А насколько часто ты на акциях сталкиваешься с людьми, которые придумывают про тебя легенды, которые отслеживают твою деятельность, хотя сами правоохранителями не являются?

— Есть те, кто именно за ЛГБТ-акциями наблюдает — Энтео и, как мы их называем, православнудые. Но, как я заметил, недавно появилось нечто новенькое — НОДовцы (члены Национально-освободительного движения, возглавляемого депутатом Госдумы Евгением Федоровым — ОВД-Инфо), они тоже помешаны на этой теме, тоже любят апеллировать к тому, что пытаются защищать религию, но, на мой взгляд, ничего общего не имеют с религией, так как поддерживают убийц, лжецов и подлецов.

Они просто про тебя какую-то ерунду в интернете пишут или подходят к тебе, когда ты стоишь в пикете, и начинают говорить, что ты национал-предатель?

— Что-то они пишут в интернете, но это в данный момент меня не очень интересует, я замечал, что они делают на пикетах. На пикетах эти товарищи начинают просто лицемерить, зная, что они проплачены Кремлем, работают на чекистский режим провокаторами, что их покрывают. Они оправдывают свое название «титушек» — это украинский термин для провокаторов, работающих в интересах силовиков: когда у силовиков нет правовых норм, чтобы тебя задержать, для этого используются титушки. Вот они являются титушками, которых покрывают силовики, которые только при силовиках наших, при полицейских свои провокации совершают, и почему-то полиция задерживает не тех, кто нарушает, а тех, на кого совершается нападение, поэтому все говорит о том, что это проплаченные люди Кремля. Может, какие-то идейные там есть, хотя я уверен, что большинству из них все равно платят.

А в чем заключается их уличная провокационная деятельность?

— В нападениях, выражающихся в том, что они могут вырвать плакат, толкнуть человека, кричать громко оскорбления в присутствии полицейского, и полицейский задерживать этого товарища не будет, а если ты хотя бы один раз попытаешься ответить, не выдержав этих оскорблений, то тебя задержат. То есть под прикрытием сотрудников полиции нарушают, оскорбляют человека, производят нападения. В общем, всячески провоцируют с помощью оскорблений и каких-либо нападений на какую-то реакцию, чтобы якобы дать формальный повод силовикам задержать человека, проводящего законный пикет.

Насколько часто они появляются на таких мероприятиях?

— Последнее время довольно часто появлялись, так что присутствие НОДовцев стало едва ли не постоянным фактором уже. Раньше их не было, и вообще до «Крымнаша» такого на наших пикетах практически не было — таких постоянных провокаторов, каких я замечал на ЛГБТ-акциях. У нас тактика применения постоянных провокаторов на обыкновенных общественных пикетах появилась после Майдана и после ситуации с Крымом.

ОСОБЫЙ ПОДХОД

Получается, что тебя в некотором плане их пропаганда выделила. С другой стороны, зачастую у нас складывается ощущение что тебя не только пропаганда выделяет среди протестующих, но и полиция. Мы в прошлый раз разговаривали с **Димой Монаховым**, с ним тоже такая история наблюдается. Почему так происходит? Почему с тобой относятся так жестко по сравнению с тем, как в среднем, обходятся с другими при задержаниях?

— То, что полиция конкретно ко мне изменила немножко отношение и повысила интерес, я начал замечать как раз перед первым своим отъездом на Майдан. 6 декабря 2013 года у нас проходила очередная «Стратегия-6», и незадолго до нее я начал это замечать. Раньше этого не было, на «Стратегиях-31», либо других несогласованных акциях обычно было такое негласное правило, что если ты не хочешь, чтобы тебя задерживали, — тебя не задержат. Чтобы тебя задержали, надо очень постараться – либо плакат вытащить, либо очень активно поскандировать, либо еще что-то. Вот такое негласное правило чувствовалось, оно соблюдалось. К концу 2013 года, где-то с октября, я начал замечать такое интересное изменение: начали задерживать людей — меня и других —

уже вообще без каких-либо поводов. Задерживают людей, которые вообще ничего не делают. Я прихожу на акцию, я общаюсь с человеком, и вот я чувствую, что меня уже куда-то тащат, только метров пять спустя, когда меня сзади уже двое человек схватили и потащили, я начинаю пытаться выяснить, а что, собственно, происходит, потому что происходит это молча, и только по пути, уже протащив метров пять или больше, они обмолвятся: «Пройдемте». Это, видимо, они считают достаточным законным основанием. И с октября на каждой «Стратегии-6» я начал это замечать. Так что не только ко мне — ко всем, но по отношению ко мне какой-то особый интерес стал проявляться, меня чаще задерживают, чем других, с этого момента.

Чаще задерживают и чаще побивают.

— То, что бьют, это, я думаю, не связано с каким-то особым ко мне отношением. Это просто ответная реакция на мое поведение, потому что я более активно, чем другие незаконно захваченные, требую соблюдения своих прав, им это не нравится. Просто человеческий фактор, я думаю, здесь включается. Ну, не нравится ему, что я его называю оборотнем в погонах, заслуженно, потому что он меня сначала схватил, потом потащил, потом я в автозаке требую соблюдения закона — наконец-то представиться, сообщить причину задержания, он начинает мне наносить какие-то тычки, чтобы я заткнулся. Я обычно в этих случаях начинал еще больше возмущаться, а им это возмущение не нравится, не нравится, что человек, видимо, не пугается, и тогда начинался прессинг.

Но не кажется ли тебе, что вот это твое качание прав и стало причиной того, что тебя чаще задерживают? То есть ты их просто бесишь. Или ты думаешь, что дается какое-то указание?

— Я думаю, это одна из причин. Указание, может быть, потому что просто чаще меня видят на несогласованных

мероприятиях. Просто как примелькавшееся лицо.

Какие были наиболее жесткие случаи насилия против тебя со стороны полицейских и наиболее суровые штрафы, наказания, которые ты получал?

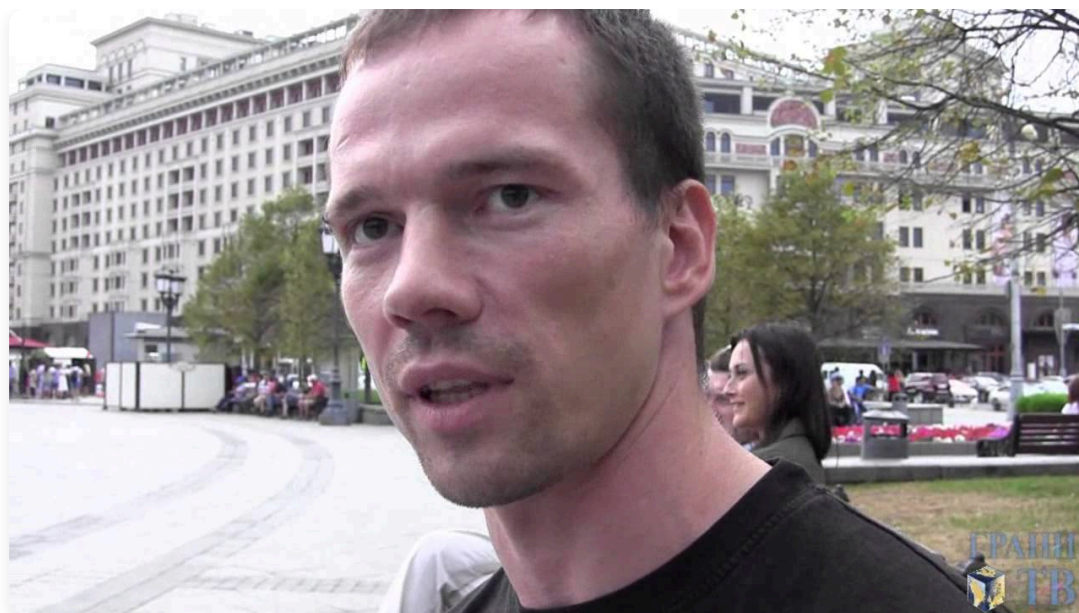
— Про штрафы я не знаю, за что конкретно меня оштрафовали, за что нет, потому что эти уведомления, которые приходят мне на почту о судебных письмах, я либо рву, либо просто выкидываю в мусор, потому что мне штрафы от нелегитимной власти неинтересны. Я вообще хотел бы набрать — такой у меня интерес спортивный — миллион такого долга: я уверен, что при легитимной власти это должно списаться, потому что все эти штрафы незаконны. Я только знаю об общей сумме, мне кто-то сказал полгода назад, что у меня семьдесят тысяч там где-то на каком-то сайте приставов есть, я думаю, что они пока плохо работают, пока что до миллиона еще далеко моего. Что касается жесткости задержаний и какого-либо применения насилия или превышения полномочий сотрудниками полиции, сходу могу вспомнить «Стратегию-31» в декабре 2013 года, когда меня били в лицо, и «Стратегию-6», по-моему, в августе, когда омоновец из-за того, что я называл вещи своими именами, нанес несколько ударов мне и Денису Бахолдину. Бывало, что душили.

То есть это обычно несколько ударов?

— Обычно несколько ударов, и они сами этого боятся, их свои же пытаются оттащить, потому что все-таки пока что они понимают, что это неправильно делать.

А эту историю в ОВД «Хамовники» ты не выделяешь? С заматыванием скотчем.

YouTube Video: [13vbSRWscII](#)

— А, со скотчем, да, я просто сходу не вспомнил о ней. Это отдельная история, она меня тогда очень сильно потрясла. За эти три года это было у меня одно из самых сильных эмоциональных потрясений, потому что такого со мной еще не было ни разу. Да, бывает, что в ОВД кто-то, прикрываясь своими погонами, бьет меня, но это такая человеческая злость, он, может, поступил, как негодяй, но он ударил, у него эмоции сошли, и он не получает от этого удовольствия, ему это не нужно. Он и сам понимает, что глупо поступил, что он дурачок, но он перестал это делать, то есть нет никакого садизма или намеренного, такого осознанного желания действительно унижить человека. Здесь же было... Первое потрясение такого рода, когда я увидел осознанное насилие, возможно, даже получение удовольствия от причинения боли, унижения, причинения пыток человеку — это после **случая с психушкой** в прошлом году, который меня очень потряс внутренне. После этого случая с психушкой я ко всем ОВД стал относиться как к детскому саду.

YouTube Video: JEFd9N-vORo

И следующим был этот случай, когда я видел, что эти товарищи абсолютно осознанно устраивают пытки. Что меня поразило — не то, что ноги скотчем связали, хотя это унижает морально, а то, что устроили подобие дыбы. Из-за того, что руки мне застегнули в наручники за спиной и прицепили их к решетке в приподнятом положении, постоянно выворачивало плечи, то есть постоянно было напряжение. Боль была не дикая, но вот иногда реально хотелось просто заорать от постоянного чувства боли и осознания того, что эти люди специально тебе это устроили, чтобы ты постоянно чувствовал боль. Вот это уже новый уровень садизма какой-то, вот это я принять вообще не могу.

Какой процент от твоих задержаний в ОВД «Китай-город» заканчивается отбиранием телефона?

— А, это, кстати, проблема одна из самых актуальных, которая меня очень сильно раздражает и бесит, — это отличительная черта ОВД «Китай-город». Это у них, как я понял, политика начальника отдела — без каких-либо оснований, абсолютно незаконно просто забирать телефон, нагло, из сумки, без описи, без понятых. В ОВД я всегда сажусь с сумкой на скамеечку, и тут просто без разговоров подходят три человека с разных сторон, начинают выхватывать у меня сумку. Я пытаюсь ее

удержать, мне начинают заламывать руки. Просто молча, такой грабительский отъем.

Сотрудники ОВД или те, кто задерживал?

— Это именно уже сотрудники ОВД «Китай-город», у них это за правило. Вообще деятельность полиции является открытой и гласной, но они препятствуют съемке — у них любимая отмазка, что комната в ОВД — это режимный объект. Поэтому они позволяют себе этот бандитизм с отъемом телефонов без поняты.

То есть ты все время их снимаешь на телефон, когдаходишь в ОВД, и поэтому они у тебя отбирают? Или это происходит в любом случае?

— В любом случае. Бывало так, что я специально начинал снимать еще до входа в отдел, тогда у меня выхватывали телефон без каких-либо объяснений, законных оснований, требований. Но даже если ты не снимаешь, просто пришел с сумкой или еще с чем-то, у тебя в любом случае изымут телефон. В этом ОВД нельзя ни снимать, ни говорить по телефону.

Грозил ли тебе уголовным преследованием?

— Открытых угроз по поводу уголовного преследования, кажется, не было. Несколько раз приходилось сталкиваться с товарищами, которые относятся к уголовному розыску, но с ними беседа обычно быстро заканчивалась тем, что я им объяснял, что они ошиблись, я не преступник, мне с ними общаться неинтересно, просто давал им понять, что не совсем по адресу, мимо. Они это понимали, и общение на этом заканчивалось. Всего несколько раз такое было — например, после **акции на Арбате**, когда меня полицейский ударил в пах кулаком в ОВД. У них лучшая защита — это нападение, и они пытались принять превентивные меры, меня то ли в прокуратуру сводить, то ли еще что-то. То есть, если у

меня будут против них какие-либо факты, они меня смогут контрмерами тоже как-то прижать. К моим знакомым приходил лично, по-моему, то ли Леша Улыбка, то ли Окопный. Два случая уже точно есть, когда их пытались нанять стукачами, вербовали, угрожали. Стандартный набор угроз — увольнение с работы и просто подлые всякие такие штучки.

YouTube Video: O8gQQhAr184

КАК СИДЕЛОСЬ

Тебя трижды приговаривали к административному аресту и помещали в спецприемник. Какие впечатления?

— Еще одно из самых тяжелых потрясений, как первый опыт с психушкой и с вот этим скотчем и полу-дыбой, — это как раз-таки 1-й спецприемник на Симферопольском бульваре. У меня политические какие-либо мысли отошли на второй план, потому что там меня стали конкретно притеснять курящие люди и некоторые имеющие криминальное прошлое — они, я уверен, не являлись блатными, но пытались строить из себя что-то подобное и действовали по тюремным понятиям — держали камеру, типа смотрящих таких. Они руководят построением, их слушаются в основном те, кто находится внутри этой «хаты», как они называют камеру.

Эти люди проявляют себя даже в условиях, когда там собираются коллективы всего на 5—10 суток? Они решают, что если они с криминальным прошлым, то должны там следить за порядком?

— Во-первых, когда ты приходишь туда, они уже там есть. Когда кто-то из них отбыл срок, он передает свои полномочия смотрящего за камерой тому, кто был к нему ближе.

Так было все три раза, что ты попадал в спецприемник?

— Нет, слава Богу, это было на Симферопольском, а я там был только один раз. И там я столкнулся с тем, что эти смотрящие могут и подшучивать, и унижать человека, это считается нормальным. Они главные, к ним подтягиваются какие-то более-менее спортивные, так создается видимость физического преимущества, морального. Я думаю, что это, конечно, при поощрении администрации происходит — так же, как дедовщина поощряется офицерами: им так проще дисциплину поддерживать, с помощью страха проще контролировать людей, чем с помощью порядочности или устава, или еще чего-то. В Симферопольском чувствуется, что это очень распространено, то есть в различных камерах этот порядок заведен.

Но следующие два раза я отбывал срок в спецприемнике, который находится на улице Мневники. В первой камере, в которой я был, кажется, на семь человек, тоже был какой-то типа смотрящего — тоже сразу пытался подкалывать, унижать человека. А у меня там сразу возник конфликт с курящими. В Симферопольском меня мучило, что рядом все время курят, я просто просыпался ночью от того, что там был смог, мне было реально тяжело в тех условиях. И, увидев, что здесь опять начинаются эти проблемы, я понял, что мириться с этим не собираюсь. По закону есть такая норма, что отбывающих наказание курящих и не курящих нужно по возможности расселять. И начальство

сразу объясняет: в законе сказано «по возможности», а у нас такой возможности нет. Я знаю, что если постараться, то они могут расселить, особенно если камеры не очень многочисленны. Да и просто – мне дали второй раз в Мневниках 10 суток ареста, а не 10 суток пыток табачным дымом. В этой камере я лег поближе к открытой форточке и требовал, чтобы она была все время открыта. Сначала мне сказали «да-да, конечно», а потом начали возмущаться — «мы тут из-за тебя все заболеем, нам холодно, вот ты тут пришел». На этой почве у нас произошел конфликт со старшим этой камеры, и, когда нас на вторые сутки моего там пребывания вывели на развод утренний, он начал возмущаться громко и говорить, что я пытаюсь устраивать конфликты, что они со мной не смогут. Я тоже сказал, что не согласен в этой камере находиться. Мне говорят: «Мы по возможности, возможности нет». Я говорю: «Меня это не интересует, я ваши пытки терпеть не намерен». Объяснял им, что у них будут проблемы. Спасибо Денису Бахолдину, который был задержан на акции после вынесения приговора «узникам Болотной» и отбывал свои 10 суток в том спецприемнике. Он проходил с обеда, услышал обсуждение этой ситуации и сказал: «О, а нас же в камере сейчас всего двое, один некурящий и один курящий, давайте его к нам в камеру». Вообще-то у них там есть негласное правило, я это заметил и на Симферопольском: всех политических рассовывать по разным камерам. Я слышал, когда меня туда приводили, они переговаривались: в эту камеру нельзя его, там политический. Но та женщина, которая пришла с утра на смену, все-таки нарушила это правило, меня на второй день перевели в эту камеру, и двое политических все-таки оказались в одной камере. В итоге я договорился с тем человеком, который там был курящий, что он курит в окно. До этого, кого бы я ни просил, все воспринимали мою просьбу в штыки.

В суды по административным делам ты не особо ходил? Или сходил, посмотрел, все понял и решил больше не ходить?

— Я бы даже, может, хотел ходить, но постоянно происходят новые акции. Поэтому нужно иметь хороший заработок и не заниматься больше ничем — только в этом случае ты можешь разорваться. Иначе просто физически не получается, и тогда тебе надо перестать заниматься активной уличной деятельностью и просто на два-три-четыре месяца уйти в дело, ходить в полицию, по судам, продвигать его. В общем, в основном, я бывал в суде только по принуждению.

ДРУЗЬЯ СТАРЫЕ И НОВЫЕ

Какая реакция у твоих аполитичных друзей, у родителей и на работе на твои акции?

— Помню, когда мы уходили 10 декабря с митинга, по моему, Владимир Рыжков со сцены сказал, что мы придем еще. Я подхватил этот лозунг. Я думал, что расскажу людям о беспределе, который происходит, и они тоже скажут, что это неправильно, присоединятся и придут на митинг, и нас действительно будет больше 24 декабря на Сахарова. К сожалению, после декабря 2011 года меня очень сильно ошарашило то, что большинство людей из моих знакомых и родственников либо говорило «нас это не касается, нам это неинтересно», либо находили самые глупые оправдания, чтобы не пойти добиваться правды, справедливости, либо же начинали обвинять меня. Думаю, это диктовал им их страх.

Практически весь бывший круг общения просто отсеялся. Родственники на эту тему вообще стараются не общаться. Друзья практически все отсеялись — я их всех судил по себе, считал, что они такие же, как я, и будут действовать,

как я, и не ожидал, что они все отвернутся. Жизнь показала, что они оказались другими.

Это друзья откуда? По школе? По работе?

— Друзья по месту жительства, друзья старшего брата, например. По спортплощадке, по армейской службе. Я ездил на выборы в Омск, там своего армейского друга встретил, который из всей роты практически единственный человек, с которым, как мне казалось, мы нашли более или менее общие взгляды, который также не согласен был с дедовщиной, с несправедливостью. Я думал, что этот человек точно, если ему расскажешь, тоже начнет бороться. И меня поразило то, как он поступил. Я бы никогда не подумал про этого человека, что он скажет, будто это нормально, когда твои права нарушаются. Я думал, что этот человек никогда мимо не пройдет, и тем не менее он сказал мне что-то наподобие того, что я дурак, что не нужно никуда лезть, сидеть нужно тише воды, ниже травы, иначе будешь уничтожен — такой советский принцип. Один друг только у меня остался детства, который более или менее меня поддерживает, на работе чувствует себя чуть ли не изгоем, потому что все там «Крымнаш», а он понимает, что происходит на самом деле в Крыму, и чувствует себя тоже как бы в перевернутом мире. Но он никаких активных действий не предпринимает, максимум — пишет в фейсбуке. Все новые друзья у меня из протеста, и это замечательные люди. Меня поразило, что абсолютно незнакомые люди, с кем мы впервые пересеклись на протесте, заступались за меня. Мне было удивительно: с кем-то мы впервые увиделись на пикете за «кузников Болотной» в 2012 году, абсолютно посторонние люди — кого-то задержали, я пошел писать заявления в ОВД, и эти люди, не зная меня, оставались, пока я оттуда не вышел, пока я не написал все заявления. Я помню, что меня тогда это очень сильно поразило. Когда все твои друзья от тебя отвернулись, а тут абсолютно незнакомые люди считали, что это ненормально, если

какой-то беспредел происходит, что нужно быть до конца. Впоследствии я увидел, что в протестном движении очень много таких людей, настоящих людей, которые не считают, что нормально проходить мимо какой-то несправедливости, которая происходит практически на твоих глазах.

Меняется ли реакция людей, которые проходят мимо, когда ты стоишь в пикетах? Если да, то как? Кто эти люди, откуда они появляются?

— Реакция в разное время была разной. До ситуации с Крымом большинство людей, например, на плакат «Путин — позор России», «Путин — вор» смеялись, относились очень положительно, поднимали большой палец и говорили: «Молодец, красавчик!» — таких было 90—95 процентов. После ситуации с Крымом — да, ситуация очень сильно изменилась. Довольно плачевная ситуация.

У памятника Жукову. 10 ноября 2013 г.

Эта история со звездой, когда тебе уделили такое внимание, как ты говоришь, почетное...

— Мне, кстати, многие говорят: «Мы тебя видели по телевизору». Мне это сказала моя племянница, и в результате я с ней поговорил про Украину, и мне понравилось, что она сказала, что постарается, несмотря на то, что ей только десять лет, всегда поступать правильно. Я пытался ей внушить, что всегда нужно оставаться порядочным человеком, как бы это ни было тяжело, и она это восприняла. Мне показалось, что зерно попало на нужную почву, и этот разговор, думаю, имел для нее сильное значение. Вот, казалось бы, поганый лжематериал кремлевских СМИ позволил мне затронуть с

ребенком эту тему, и очень хорошо с ним пообщаться, а без этого я, возможно, и не завел бы этот разговор.

Дело Ильдара Дадина

Ильдар Дадин был осужден в 2015 году по делу о неоднократном нарушении порядка проведения акций.

13 105